

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Юрий Коваль
ШАМАЙКА

Школьная библиотека (Детская литература)

Юрий Коваль

Шамайка

Издательство «Детская литература»

2006

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коваль Ю. И.

Шамайка / Ю. И. Коваль — Издательство «Детская литература»,
2006 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 5-08-004171-4

В центре приключенческой повести – жизнь бездомной кошки, ее борьба за существование. Она умело выходит из сложных ситуаций, порой даже трагических.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 5-08-004171-4

© Коваль Ю. И., 2006
© Издательство «Детская
литература», 2006

Содержание

Праздник Юрия Ковалёв	7
Шамайка	10
Глава 1. Рваное Ухо	13
Глава 2. Господин Ливер	15
Глава 3. Тайна имени	18
Глава 4. Рыжая дама	20
Глава 5. Японские обычаи	23
Глава 6. Холодная атмосфера	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юрий Коваль

Шамайка

© Издательство «Детская литература». Оформление серии, 2006

© Ю. Коваль. Текст, наследники

© М. Москвина. Предисловие, 2006

© Р. Варшамов. Рисунки, наследники

* * *

Yur Kovalov

1938—1995

Праздник Юрия Коваля

О, какой был незабываемый праздник, когда писатель Юрий Коваль получил международный диплом Ханса Кристиана Андерсена! Ведь подобный приз вручают только самым лучшим детским писателям планеты. А Юрий Коваль и есть – лучший.

Это было ясно как апельсин, задолго до премии, а теперь, спустя годы, когда его нет, мы окончательно осознали – рядом с нами жил Мастер, одаривший мир удивительными книгами: «Чистый двор», «Листобой», «Кепка с карасями», «Пограничный пес Алый», «Пять похищенных монахов», «Приключения Васи Куролесова»...

На празднике Юрий Коваль сидел во главе стола в пиджаке благородного мышиного цвета. Писатель находился посреди огромной планеты, которую он так любил, – со всеми ее морями и землями, деревьями и травами, зверями и птицами, жуками и гусеницами. Говорят, что этот пиджак цвета все-таки снеговой тучи Юрий Коваль заказал одному портному из Торжка специально по такому торжественному случаю.

– А сидел я, Марина, – исправил бы меня достойный Юрий Иосифович, – не просто «посреди огромной планеты... с ее деревьями и травами, зверями и птицами...» Сколько можно тебя учить? А посреди планеты с ее грибами рыжиками, мать-и-мачехой, иван-чаем, шиповником, медуницей, подснежниками, клевером и кашкой, жабником и ромашкой, черемухой, вербой, рябиной и помидорами, темными глыбами лошадей, весенним небом, наполненным скворцами, грачами, жаворонками и пухом одуванчика, летящего над дорогой...

– Что?! – рокотал он в подобных случаях. – Ты знаешь, как называется хвост у английского сеттера? Перо! А волосяной покров – рубашка. Хорошо оперенная рубашка...

– Твой герой ищет травку от кашля в лесу? – Он говорил мне с укором. – А ты обзови ее как-нибудь! Кошачья петрушка!

Однажды услышал он, как его приятель рассказывал о нем, знатоке всех звезд, созвездий и туманностей:

– Шли мы как-то под вечер, а Юра мне и говорит: «Видишь созвездие? Это Большая Медведица».

– Не может быть! – твердо сказал Коваль. – Я показал ему Гончих Псов или Волопаса.

В Москве дули ветры с Ледовитого океана. Юра стоял на юру, над ним нависла Большая Медведица. Казалось, он сейчас протянет руку и отодвинет ее от себя – за общеизвестность.

Близкими своими друзьями он считал вечное созвездие Орион, биолога Ваню Овчинникова (тот работал в Ботаническом саду, выращивал в парниках цветущие азалии – Юрий Коваль туда частенько наведывался); а также канадского писателя Сетона-Томпсона, хотя с этим человеком они не встретились ни в пространстве, ни во времени. Но это не так важно для дружбы великанов.

Только БЛИЗОСТЬ ДУХА важна для дружбы, крепкой, как морской канат с палубы фрегата «Лавр Георгиевич» из увлекательнейшего романа Коваля о вольном плавании капитана Суера-Вьера. Именно близость духа свела и породнила Юрия Коваля и Сетона-Томпсона – художника, путешественника, писателя, который умел рассказывать удивительные истории о животных, о растениях, о лесе. Могу представить, с каким удовольствием зачитывался Коваль его книгами «Жизнь тех, на кого охотятся», «Биография гризли», «Биография серебристой лисицы»...

Я даже не знаю, переведен ли на русский язык многотомный труд Сетона-Томпсона «Жизнь диких зверей». Но его книгу «Маленькие дикари» с рисунками автора с детства храню как величайшую ценность.

Юрий Коваль так прямо и говорил:

– Я поклонник Эрнеста Сетона-Томпсона!

Даже, мне кажется, Юра не случайно появился на свет почти в то же самое время, когда на свете не стало Сетона-Томпсона. Видимо, на Земле среди людей во все времена обязательно должен нести свою вахту любящий природу человек, Защитник Щенков высокого сословия.

Однако встреча этих двух гигантов все-таки произошла в третьем измерении – на орбите литературного творчества, которая опоясывает все пространства и все миры.

Итак, из пункта «А» вышел Сетон-Томпсон и зашагал по дороге, а веком позже из пункта «Б» ему навстречу отправился Юрий Коваль.

Сетон-Томпсон весело шел по лесным дорогам Канады. Ухала сова, вскрикивал енот в лесной чаще, пахло сосновой смолой, вился дымок от костра, жарилось на огне «бизонье мясо и луговые коренья» (проще говоря, говядина с картофелем!).

Юрий Коваль пробирался нехоженными тропами любимой им Вологодской области, насвистывая «Песню про пятнадцать собак». Над ним летел клест-сосновик, купленный Ковалем на Птичьем рынке за три рубля, с перьями кирпичного и клюквенного цвета, с клювом, скрещенным, как два костяных ножа, – певец Капитан Клюквин со своей собственной песней, которая рвалась у него из груди. Рядом бежала картофельная собака Тузик. («Дядь! – кричали издали ребятишки, когда я прогуливался с Тузиком. – А почему она картофельная?» В ответ я доставал картофелину и кидал Тузику. Он ловко, как жонглер, ловил ее на лету и мигом разгрызал. Крахмальный сок струился по его кавалерийским усам»). А впереди мчался на Северный полюс, увлекая за собой всю компанию, сбежавший со зверофермы песец – герой повести Коваля «Недопесок Наполеон Третий».

Так они двигались навстречу друг другу, каждый своими путями и мирами, когда неожиданно две их дороги, две их писательские судьбы, пересеклись.

Случилось это благодаря абсолютно трущобной кошке, героине рассказа Сетона-Томпсона «Королевская Аналостанка». Не знаю, то ли ей показалось, что сэр Сетон-Томпсон поведал всего лишь забавную историю из ее жизни, но не раскрыл до конца богатый внутренний мир... Что, собственно, вся ее жизнь, исполненная взлетов и падений, ее необыкновенная судьба остались за бортом повествования. То ли ей просто понравился Юрий Коваль, в которого с первого взгляда влюблялись все звери и птицы, а также старики, женщины и дети... В общем, она осторожными шагами приблизилась к нему, причем с таким видом, как будто бы самая первая кошка на его жизненном пути.

А между тем Коваль был знаком со многими достойными представителями ее племени. Тут вам и Весенний кот, расцветший внезапно в соседнем доме вместе с незабудками и подснежниками. И Летний кот, вобравший в себя солнечный зной, отчего полночи светился в саду, как подсолнух. Осеннее котяро, которое влезло на печь и сразу превратилось в Зимнее, предвещающее первый снег. Поддерживали с ним тесную связь сиамские и сибирские, тигровые и черепаховые, рябые и рыжие коты и кошки всех возрастов, мастей и общественных положений.

Но это была не кошка, а богиня по имени Шамайка. Он сразу это увидел. Недаром друг Юры, скульптор, отзывался о его ясном взгляде:

– Глаза Коваля – не просто глаза, это окуляры с увеличительными стеклами!

Поэтому писатель Юрий Коваль снял шляпу, почтительно поклонился Сетону-Томпсону и, в самых высоких выражениях посвятив ему эту повесть, рассказал о Шамайке то, о чем умолчал его канадский предшественник.

Перво-наперво крепкой рукой он обрисовал суровую обстановку, в которой Шамайка появилась на свет, – жизнь трущоб, характеры ее обитателей – бродячих котов, среди которых встречаются порядочные негодяи, скобяной двор с крюками и гвоздодерами, охраняемый неприятным полубульдогом, господин У-туулин с малокалиберной винтовкой, готовый перестрелять все живое вокруг себя, беспощадные кошкеры...

Вот в какой мир вступает трущобный котенок – круглый сирота, открытый всем ветрам, дружелюбный, ужасно любопытный и, как мы увидим позже, с большими артистическими задатками.

Впрочем, на свете не так много плохого, чтобы закрывать на это глаза, – намекает автор. Ведь, как ни крути, миром правит любовь, по крайней мере за нею всегда остается последнее слово.

Как магнитом, Шамайка притягивает к себе разных колоритных личностей вроде негра Джима, который любил пожевать табак под названием «Читанога-чуча», а потом плевать на всех и на все в прямом и в переносном смысле. Он работал в зоомагазине японца Мали, хотя тот был не настоящим японцем, а просто прищурился, поскольку слышал, что японцам больше платят.

Могущественный бык Брэдбери окажет ей покровительство. Глубокая верная дружба свяжет их, и навеки разлучит океан.

Кот-пират Рваное Ухо – отъявленный злодей. Поговаривали, у него на груди под шерстью – бандитская татуировка с якорем и русалкой. Но и он смягчается душой, полюбив Шамайку.

– Я теперь уже не тот, – будет втолковывать ей пират. – Сила встречи с вами переродила меня внутренне.

Да, она была настоящая королева, только не умытая, как Золушка. И по всем сказочным законам (а Юрий Коваль их знал не понаслышке!) в один прекрасный день ее должны помыть.

Негр Джим разогрел на печке универсальное средство от блох – жир гремучих змей, вымазал им Шамайку, искупал в тазу, и все увидели серую барсиху с голубыми глазами могучего колорита, которую ненастоящий, но предприимчивый японец тотчас решил вырастить на мех, а потом продать. Вновь и вновь ей грозит смертельная опасность. Вновь и вновь приходит на помощь чудо. Грандиозные повороты судьбы, за которой, как выясняется, затаив дыхание, следит сам господин Сетон-Томпсон. Захваченный приключениями Шамайки, он шагнул на страницы повести Коваля, где и был запечатлен в ряду других персонажей блистательным художником Рубеном Варшамовым.

В целях фантастического обогащения японец выдает эту святую простоту за уникальную представительницу редчайшей кошачьей породы – Королевскую Аналостанку! Таким образом, королева трущоб, любительница шарить по мусорным кучам в поисках картофельной шелухи и селедочных голов, попадает в самое высшее общество, какое только можно вообразить! И здесь – за бархатным канатом, на троне, под звуки прелюдии Баха – она являет собой истинную жемчужину.

Но это не конец, поскольку трон с подушкой совсем не то, к чему стремятся герои Коваля. Не важно, зверь или человек, его герой одержим независимостью. Преодолевая невзгоды и даже смерть, практически не сворачивая, он движется к острову Истины.

«Ну в чем же смысл жизни? – думал порою пират. – Конечно же лакать разбавленную сметану, терзать нервы полубульдога, давить крыс. Но есть и еще что-то такое, да только какое оно?»

И он не в силах был ухватить смысл до тех пор, пока любовь не стукнула гулко в пиратскую грудь черного кота.

...Входите в мое сердце, Мастер, там давно разожжен камин, сядьте в кресло, выпейте грога, раскурите капитанскую трубку, начинайте свой рассказ. Я так рада, что мы повстречались после долгой разлуки.

Марина Москвина

Шамайка

*Господину Эрнесту Сетону-Томпсону и маэстро Ролану Быкову,
живущим в разном времени и смысле, умудрился посвятить автор эту
повесть*

Про меня почему-то думают, что я должен защищать щенков.

А ведь и вправду щенки всегда так доверчиво виляют хвостом, что их хочется защитить. В среде щенков не бывает нечестных и злых. Такие случаются только между взрослыми собаками.

Иногда, конечно, из щенка защищенного вырастает надменное существо. Высокомерно поглядывает он на тебя из своей конуры, гремит цепью, показывает зубы. Но это уже, друзья, не наше дело. Мы его защитили, а он пусть соображает, как дальше жить.

Глава 1. Рваное Ухо

Свирепый и кривоzubый, какой-то разлапистый полубульдог рвался с цепи.

Он уже не то что лаял – это мягко сказано – он выворачивался наизнанку, разевая свою рябую пасть. Цепь, натянутая до предела, перехватила полубульдожью шею. Стоя на задних лапах, передними он бестолково молотил воздух, напоминая полубоксера – в человеческом смысле этого слова. В пяти сантиметрах от его носа лежал на земле огромный черный кот-пират по прозвищу Рваное Ухо.

Кот спал сладко и спокойно. Он давно рассчитал, точно вымерил длину и прочность цепи. Рев и сип полубульдога его убаюкивали. Он спал, прекрасно понимая, что убивает сразу двух зайцев, хотя и думал больше о кроликах. Во-первых, он был под охраной полубульдога и никто на него не мог напасть. Во-вторых, своим спокойным сном он мстил старому врагу за былые подлые поступки. Это большая редкость, чтоб кто-то кому-то мстил сном. Да, да, чтоб кто-то спал и этим сном кому-то мстил – такое на земном шаре встречается редко. В истории мщений такие случаи пока не отмечены.

Полубульдог совсем потерял голову и голос, и если уместно сравнивать собак с чайниками, то это был уже выкипевший чайник, чайник, который выклокотался – простите за это непристойное слово, – чайник, который начинал плавиться на углях. Он, чайник, должен был вот-вот скончаться, глаза его выкатились из орбит, он посинел. Тут и послышался далекий голос:

– Мьяяу! Мьяяу!

Кот приоткрыл пиратский глаз, шевельнул рваным ухом, потянулся, просыпаясь.

– Мьяу! – доносилось издали, но это «мяу» кричал человеческий голос и добавлял к этому «мяу» еще один очень кошачий и вкусный звук – «со!». Получалось: «Мяу-со! Мьяу-со! Мясо!»

Пират Рваное Ухо окончательно проснулся, выгнул спину, презрительно фыркнул в рожу полубульдогу, плюнул ему в правый глаз и побежал на крик:

– Мяусо! Мяусо!

Глава 2. Господин Ливер

– Мяяясо! – орал человек, измазанный сажей, орал и катил по закоулку тележку, из которой валил неопрятный и пахучий пар.

Кошки сиамские и сибирские, тигровые и черепаховые, кошки трактирщиков и бакалейщиков сбегались на его голос, выныривая из дворов и подворотен. Они бежали за тачкой, и, как только их собиралось достаточно, тачка останавливалась. Грязноватый господин доставал из тачки вертел, унизанный кусочками вареной печенки. Длинною двузубой вилкой он спихивал печенку с вертела, и кошка, схватив кусок, с урчаньем бросалась прочь, чтоб насладиться варевом в одиночестве.

Наглый рыжий кот вспрыгнул на тачку, но тут же получил вилкою по ушам и слетел на землю.

– Тебя и хозяин накормит, – ворчал на рыжего ливерщик. – У него на скотобойне печенки хватает.

Белая кошечка с розовым носиком потихоньку прорывалась к печенке, но ливерщик саданул ее сапогом.

– Хэлло! – крикнули ему из окна. – Хэлло, господин Ливер!

Рыхлая дама в заспанном халате недовольно взирала со второго этажа.

– Хэлло! В чем дело?

– За две недели не плочено, мадам Дантон, – поклонился ливерщик. – С вас двадцать центов.

– Хам! – возмущенно ответила она, бросила в окно монетку, которую господин Ливер ловко поймал шляпой, а мадам долго еще повторяла в глубинах полуспящего дома: – Подумайте, девочки, двадцать центов! За тухлую печенку!

А кошечка с розовым носиком, которую, кстати, звали Молли, всхлипывала в сторонке и наконец получила свой кусок.

Обливаясь слезами, схватила она печенку, побежала к забору, и вдруг из какой-то дыры вырвался пират Рваное Ухо. Он вцепился ей в горло, и она выронила ржавый кусок, отбиваясь от бандита.

Тут из проулочка явилась серая и грязная, ободранная кошка-трусобница. Она ловко подхватила чужую печенку, скользнула под калитку, перескочила через задний забор и остановилась. Быстро и жадно проглотила она неожиданную удачу и неторопливо, окольными путями отправилась к свалке, где на дне старого ящика из-под сухарей ее поджидали котят.

Послышалось жалобное мяуканье. Серая кошка рванулась к ящику и тут увидела черного пирата, который терзал ее котят. Ослепительный гнев вспыхнул в ее глазах, страшной сделалась серая кошка, и она бросилась на пирата. Кот Рваное Ухо, застигнутый на месте преступления, в ужасе рванул прочь.

Черный кот-пират Рваное Ухо, который поначалу показался нам симпатичным, был все-таки порядочный негодяй, и это явление еще встречается в среде бродячих котов.

Глава 3. Тайна имени

Уцелел один серый котенок с черными полосками на спинке, с белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста. Целыми днями сидел он в ящике из-под сухарей, а серая мамаша шарила по мусорным кучам, разыскивая селедочные головки и картофельную шелуху. Все это она тащила в ящик из-под сухарей, который, надо сказать, был замаскирован очень хорошо. С одной стороны он был завален щебнем, с другой – зарос глухой крапивой, человеку пробраться сюда было трудно.

Иногда серая кошка бегала на пристань. Сюда приходили рыбацьи шаланды, здесь удавалось порой схватить рыбешку, которая вывалилась из ящика.

Как-то раз рыбаки, разгружавшие шаланду, заметили голодную трущобницу.

– Смотри-ка, Сэмми, – сказал один, – она, пожалуй, зарабатывает даже меньше нашего.

Старый грузчик Сэмми выбрал из ящика приличную рыбку.

– Кис-кис-кис! – сказал он. – Фрида, Фрида, иди сюда, Фрида!

Кошка остолбенела. Имени ей никто никогда не давал, у нее просто не было никакого имени. Не было – и все-таки было. Оно взялось откуда-то с неба, и старый грузчик угадал его внезапно и неожиданно. Черт знает, откуда он его выкопал, из каких вытащил закоулков памяти?!

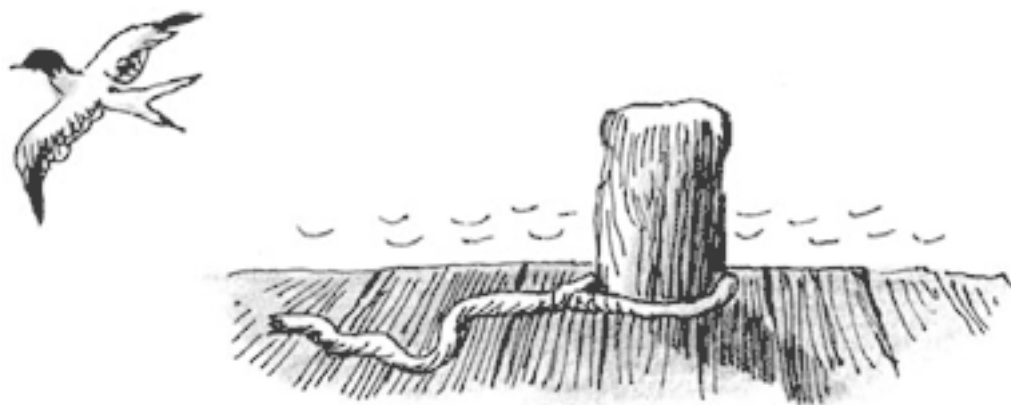

– Фрида! – позвал он и бросил ей весьма приличную рыбку.

Кошка-мамаша была потрясена. Ее впервые в жизни назвали по имени да еще подбросили цельную рыбку. Это был, наверно, самый счастливый день в ее жизни. Она схватила рыбку и побежала к ящику из-под сухарей.

Тут и объявился полубульдог, которого к вечеру хозяин спускал с цепи. С ревом кинулся он на Фриду, нашедшую свое имя и рыбку, вырвал рыбку и проглотил, и кошка, у которой осталось теперь только имя, побежала обратно на пристань. Полубульдог гнал ее до самой воды, и она вскочила на судно, то самое, с которого разгружали рыбу. Послышался стеклянный звук – это матросы ударили в рынду, медный корабельный колокол.

– Отваливай! – слышалась команда, и рыбацкая галоша отвалила от берега, и кошка Фрида отплыла в далекие края, увозя с собою тайну своего имени.

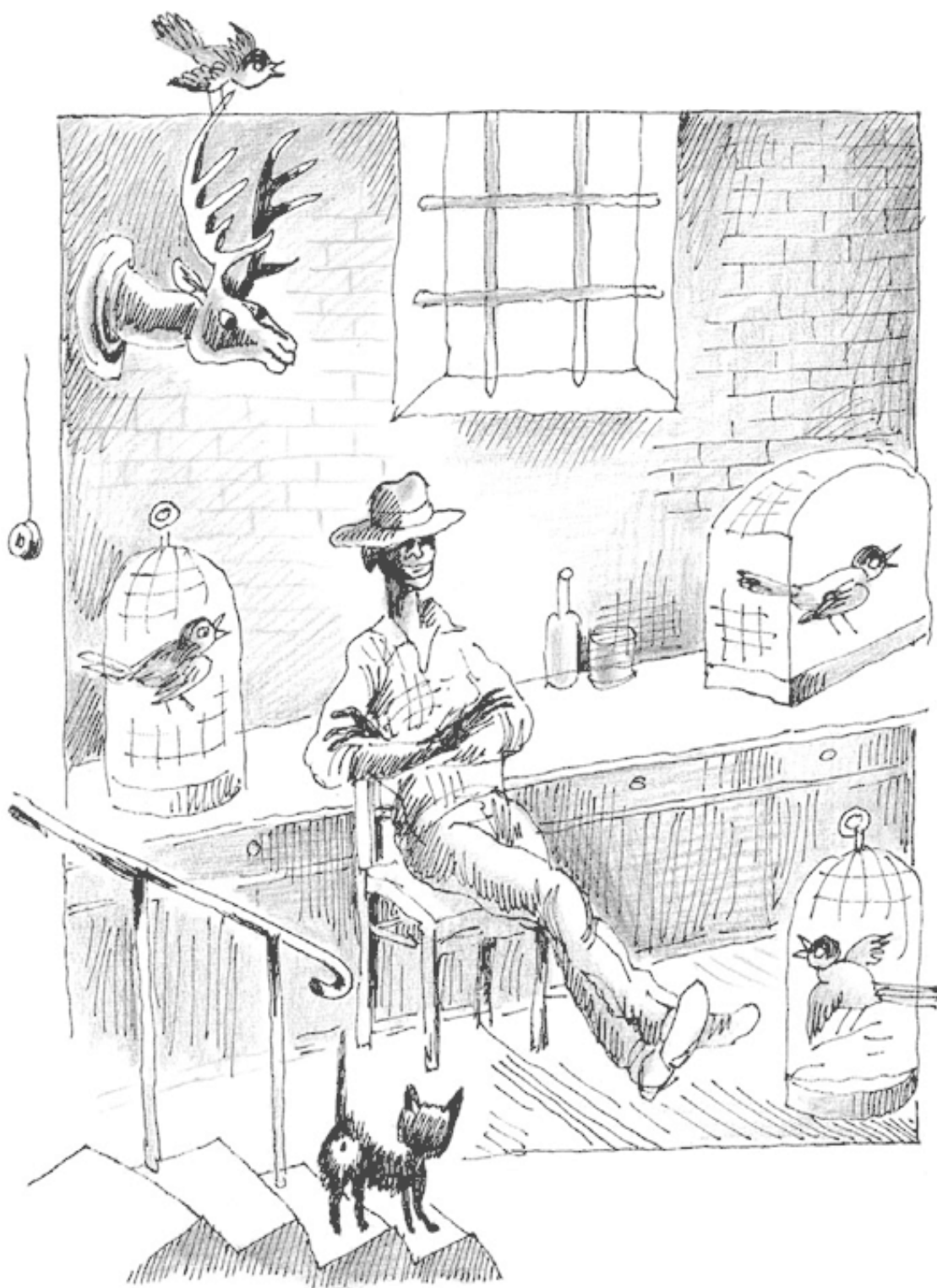
Глава 4. Рыжая дама

Не дождавшись матери, котенок вылез из ящика и стал рыскать по мусорным кучам. Он обнюхивал все, что казалось съедобным, – рваные ботинки, колесо от телеги. Но все это было совершенно несъедобным, и в особенности почему-то колесо от телеги. Он пожевал подорожник и вдруг почувствовал запах, острый и едкий, который шел снизу. И он увидел ступеньки, ведущие в подвал, и ступил осторожно на эти ступеньки. Он услышал звуки – странные звуки, которые неслись из глубины земли, куда он спускался, и удивился, что из глубины земли могут доноситься такие звуки.

А это пели канарейки, потому что здесь, в подвале, была лавка продавца птиц японца Мали. И над входом в лавку висела вывеска:

И котенок увидел множество клеток, а в них удавов и кроликов, обезьянок и канареек, нутрий и морских поросят. Они пели и пахли, фыркали и рычали изо всех углов.

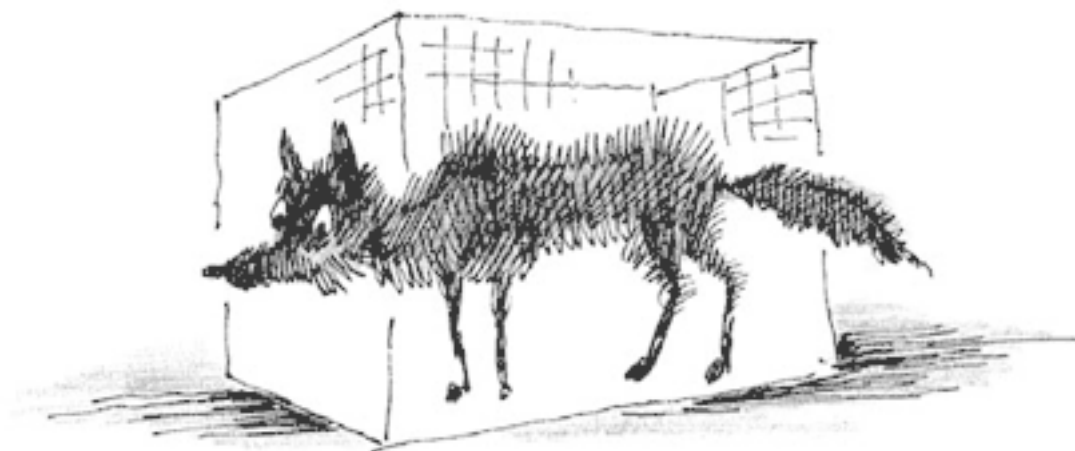

А в одном углу сидел на ящике негр. Он заметил котенка и с интересом следил, что будет дальше.

Котенок миновал несколько клеток с кроликами, которые не обратили на него внимания, и подошел к широкой решетке, за которой сидела лисица. Рыжая дама с пушистым хвостом прикинула к полу в самом дальнем углу клетки. Глаза у нее загорелись.

Котенок принюхался к решетке, просунул голову в клетку и сам пролез следом и двинулся к миске с едой. И в тот же миг лисица кинулась на него, встряхнула, и тут бы кончи-

лась кошачья судьба, если б в дело не вмешался негр. Выпучив губы, он вдруг пустил в морду лисицы такой смачный и точный плевок, что та выронила котенка и забилась в угол, мигая от страха.

Глава 5. Японские обычаи

Негр Джим любил жевать табак под названием «Читанога-Чуча», который и помогал ему в делах наплевательских. Да, Джим по характеру был такой человек. Он плевал на всех и на всё и в прямом и в переносном смысле. А так-то он был добряк. Он налил малышу молока в блюдце, и скоро котенок уже мурлыкал на коленях у негра.

Вокруг них чирикали канарейки, шуршали и хрустели в клетках кролики, тихо скулила оплеванная лиса, а они сидели и мурлыкали. Котенок мурлыкал своим кошачьим нутром, а негр – большим и грубым носом.

Тут звякнул колокольчик, и в лавку вошли сразу два господина. Один – в цилиндрической шляпе, другой – в клетчатом картузе. В цилиндрической шляпе был покупатель, а в картузе-то – хозяин лавки.

Господин японец Мали вовсе не был никаким японцем. Он просто-напросто нарочно так прищурился, чтоб все думали, что он с острова Хоккайдо. Господин Мали еще в детстве слышал, что японцам больше платят, с тех пор он и начал прищуриваться.

– Послушайте, господин Тоорстейн! – воскликнул японец, сильно прищурившись. – Послушайте, в моей лавке имеется превосходная лиса! Отменный экземпляр! Для вас со скидкой!

– Лиса? – переспрашивал господин Тоорстейн, покачивая цилиндрической шляпой. – А на кой же пес мне лиса?

Тут японец сделал господину доверительные знаки и сказал почти шепотом:

– Лисы, дорогой сэр, лисы в клетках украшают нашу жизнь.

– Вы думаете? – усомнился господин Тоорстейн. – Первый раз слышу.

– Во всех высоких домах имеются лисы, – шептал японец. – И в прямом и в переносном смысле. Вы меня понимаете?

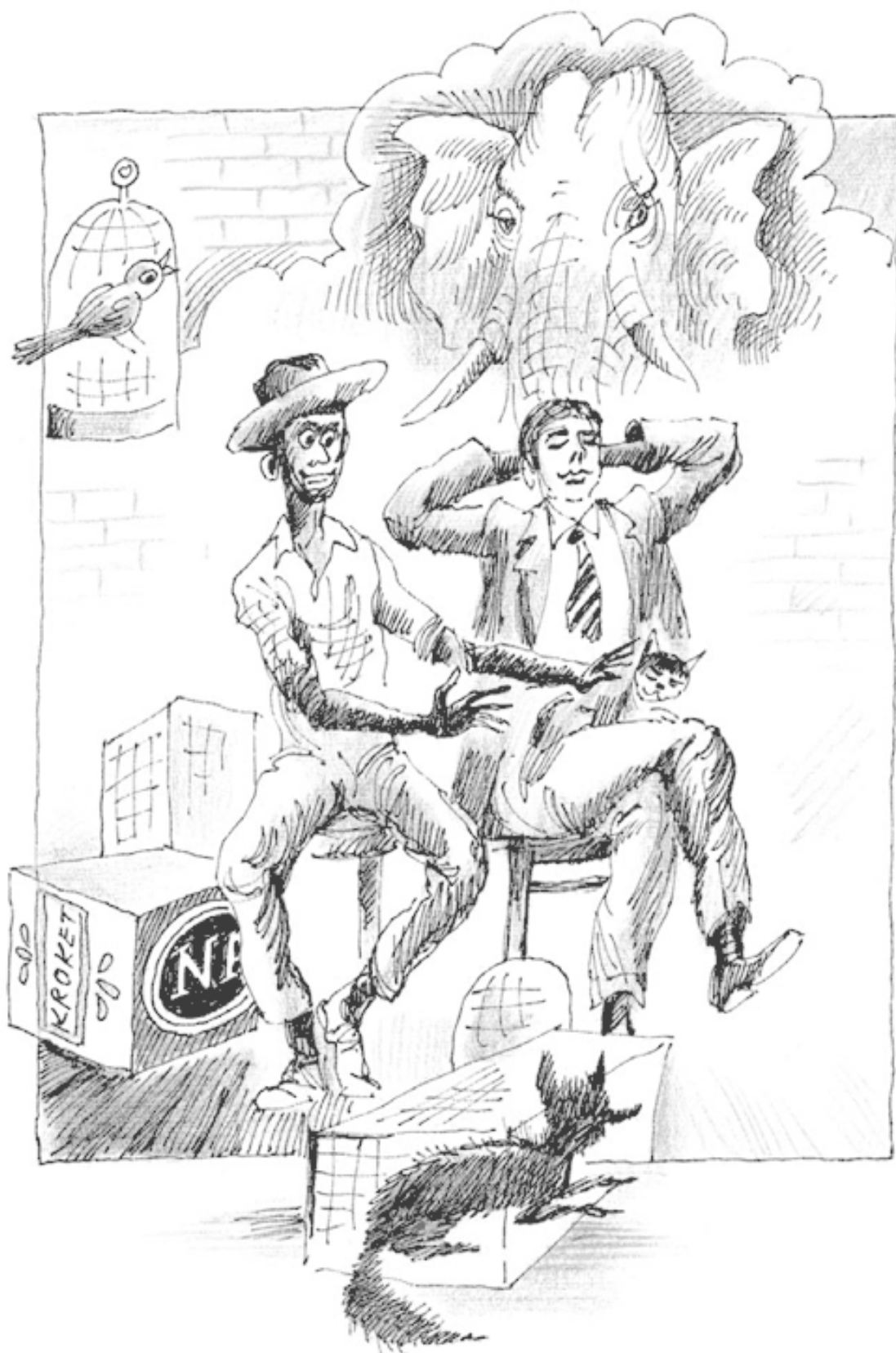
– Я-то вас понимаю, – сказал господин в цилиндре. – Понимаю в переносном смысле, а в прямом мне нужен кенар.

– И кенара возьмете, и кенара! Вот вы представьте себе. Наверху, в клетке, поет кенар, а внизу, в другой, – лиса. И вот лиса смотрит на кенара и облизывается, а он поет! Смех, и все! Самое смешное, что они оба в клетках! Понимаете? У нас, у японцев, это называется икебана!

– Да нет уж, – защищался господин Тоорстейн. – Японские обычаи я чту и уважаю, но с лисой пока не будем торопиться, давайте кенара.

– О! – сказал японец. – Есть очень хороший поющий товар, но, поверьте мне, очень дорогой, привезен прямо с Канарских островов. Ему только скажешь: «тю-лю-лю» – тут он и отвечает. – И японец Мали совсем прищурил глазки и сказал канареечным голосом: – Тю-лю-лю-лю-лю-лю-лю.

И кенар немедленно дернулся, встал в позу и запел. Он действительно пел очень хорошо, заливался, и было видно, как ходит в его горле канареечная горошинка.

Господин Тоорстейн долго слушал кенара, потом они торговались, выбирали для кенара изумительной красоты клетку с цейлонскими колокольчиками, пробовали на вкус канареечное

семя, причем японец кричал: «Отличное семя! Я могу хоть два кило сразу съесть!» – и жевал, жевал это семя, и глотал его с наслаждением нарочно, чтоб завлечь господина Тоорстейна в болото больших платежей, и завлек, и, когда господин расплатился и ушел с кенаром, японец снял кепку, вытер пот, сел на табурет и сказал:

– Фу, черт, устал как собака. Не знаю прямо, Джим, что делать с этой лисой? Никто не хочет покупать. А надо бы продать ее поскорее: боюсь, сдохнет.

– Не бойся, маса, – ответил негр, – это крепкая лиса. Она хочет есть, значит, не сдохнет. Только что чуть было котенка не сожрала.

– Какого котенка? – спросил японец и только сейчас заметил на коленях у негра мурлыкающее дитя трущоб. – Откуда он взялся?

– Сам пришел.

– Ну, если сам пришел, пускай у нас и живет. Доброму гостю у нас почет. – И японец погладил трущобного котенка.

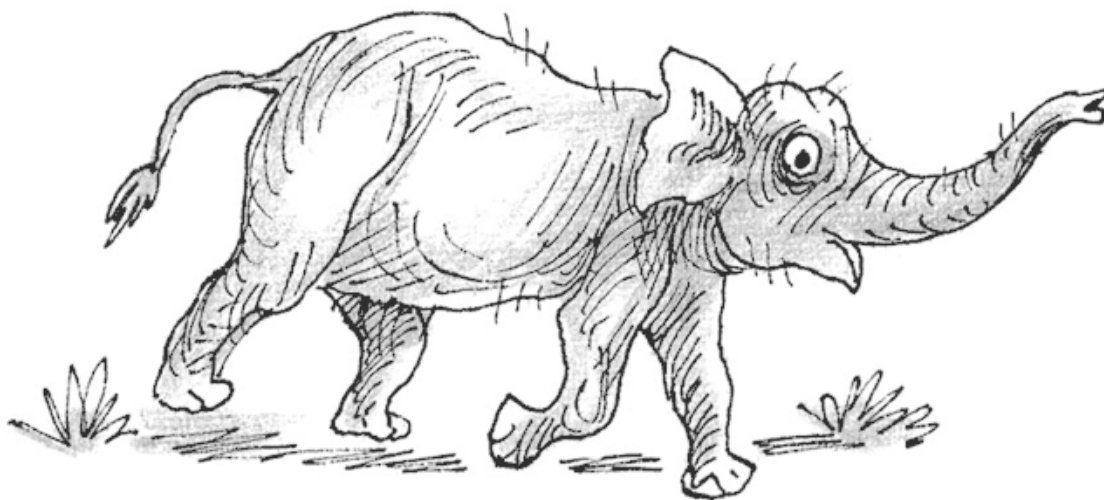
– Садись, маса, рядом, – сказал негр. – Давай будем сидеть и гладить котенка.

– Давай.

И так они сидели и гладили котенка, и японец говорил:

– Если дело хорошо пойдет, мы скоро разбогатеем. Я-то, Джим, мечтаю слонами торговать.

– Сосед наш, господин У-туулин, купил быка, – рассказывал негр. – Здоровый бык и очень бодучий. Роги – во! – И негр широко растопырил руки, показывая быка.

Глава 6. Холодная атмосфера

Тут снова звякнул колокольчик, и в лавку спустилась некоторая дама, высокая и мосластая, остроносая и грязноватая. Это и была подруга господина японца с тихим ликующим именем Лиззи.

– Продал лису? – сразу спросила она.

– Пока не удалось, голубушка Лиззи, – ответил японец, жмурясь. – Десять долларов давали, – врал он. – Но я стою на своем. Двадцать – и никаких скидок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.